

На правах рукописи

Бакшт Дмитрий Алексеевич

**Енисейское губернское жандармское управление: организационно-
правовой и региональный аспекты функционирования в системе
Департамента полиции МВД (1880–1917 гг.)**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Кемерово – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева»

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент **Вдовин Александр Сергеевич**

Официальные оппоненты:

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий сектором истории второй половины XVI – начала XX вв.

Перегудов Александр Викторович, кандидат исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет», доцент кафедры политической истории России

Ведущая организация:

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится «_____» _____ 2015 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.088.08, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (650043, Кемерово, ул. Красная, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Кемеровского государственного университета http://www.kemsu.ru/pages/about_dissov_4_index

Автореферат разослан «_____» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ермоленко Любовь Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена социально-политической ситуацией, которая сложилась в России и мире в 1990-х гг. – нач. XXI в.: рост числа террористических актов, проявлений массового насилия, состава радикальных политических и политико-религиозных организаций. Этим явлениям противопоставлено международное право и система государственных учреждений в каждой стране. В связи с этим, РФ необходимо обратиться к своему историческому опыту организации правоохранительных структур и органов социального контроля. Россия одной из первых столкнулась с массовым политическим террором, вводила собственные или заимствованные технико-организационные инновации в борьбе с экстремизмом, разрабатывала соответствующее законодательство. Однако дореволюционный опыт показал, к каким последствиям может привести неограниченное органами гражданской юстиции и местного самоуправления доверие центральной политической власти специальным службам.

Современное отношение исследователей и общественности к императорским органам политического сыска складывается как под влиянием негативных оценок идеологизированной научной литературы советского периода, так и их идеализации в новейших работах. Полное открытие доступа к архивам императорской политической полиции позволяет осуществить более объективное осмысление этого аспекта отечественной истории.

Степень разработанности проблемы. Многие вопросы, связанные с функционированием российской политической полиции позднеимперского периода в Сибири, изучены недостаточно. Отечественную историографию вопроса условно можно разделить на три больших этапа: дореволюционный, советский и современный.

На *первом этапе* научное изучение политической полиции почти не велось из-за цензуры и закрытости источников. На дефиниции Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) как разновидности полиции сказалось влияние

подцензурных университетских учебников по полицейскому (административному) праву, что отразилось и на энциклопедической статье А. И. Яновского¹. Роль жандармерии на золотых приисках Сибири кратко определил В. И. Семевский, столкнувшийся с дефицитом источников². Ведомственные издания были малоинформативными³.

Во время Первой русской революции критика исследователей была направлена на нормативно-правовой аспект: противоречивость деклараций Манифеста 17 октября 1905 г. и продолжавшимся использованием чрезвычайных актов⁴. Ими было открыто несколько аспектов: соотношение общего и чрезвычайного законодательства, роль и место ОКЖ в русском праве, терминологическое определение «провокации». Бывший глава Департамента полиции МВД (ДП МВД) А. А. Лопухин проанализировал с позиции профессионального юриста противоречивость подчиненности ОКЖ двум министерствам⁵. Дело Е. Ф. Азефа и дальнейшие разоблачения агентов полиции среди революционеров спровоцировали публикацию в российской эмиграции материалов и исследований по истории и практике внедрения секретных осведомителей⁶. Эти издания обогатили источниковую базу, но не повлияли на профессиональную историческую науку, так как в большинстве были запрещены. Как следствие, изучение истории политической полиции позднеимперского периода почти не велось⁷.

¹ Яновский А. И. Жандармы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 22. СПб., 1894.

² Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. В 2 т.

³ Министерство внутренних дел. 1802–1902 / сост. С. А. Адрианов. СПб., 1902; Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.

⁴ Урысон И. С. Агент-провокатор по действующему уголовному законодательству // Право. 1907. № 32, 33; Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908; Его же. О неприкосновенности личности. СПб., 1908; Гредескул Н. А. Террор и охрана. СПб., 1912.

⁵ Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.

⁶ Щеголев П. Е. К истории полицейской агентуры в России // Былое. 1906. № 3; Bekzadian A. Der Agent-Provocateur (Lockspitzel) mit besonderer Berücksichtigung der politischen Provocation in Russland. Zurich, 1913 и др.

⁷ Напр.: Глинский Б. Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80–е годы // Исторический вестник. 1912. Т. 127. № 2.

Во второй период главной темой стала история и методы работы полицейских агентов в политических партиях. Источниковая база значительно обогатилась (в том числе, по Енисейской губернии). К работе с материалами приступили профессиональные историки. Была открыта тема заграничной деятельности ДП МВД, стал изучаться региональный аспект функционирования его органов. Однако чаще работы были посвящены частным или наиболее политически значимым сюжетам⁸.

В 1930-е – 1950-е гг. доступ к полицейским архивам был ограничен. Сотрудники спецслужб изучали их для оперативно-следственной практики и проведения репрессий. Научные исследования и публикации документов были прекращены, за исключением редких ведомственных изданий. Утвердился единый упрощенный взгляд на тему императорского исполнительного аппарата. После открытия доступа к документам органов ДП МВД появились работы Е. П. Ерошкина и П. А. Зайончковского. При сохранении прежней парадигмы, изучались организационно-правовые основания институтов императорской власти, затрагивался региональный аспект⁹. Развивалась проблема использования секретной агентуры, но только на примере РСДРП¹⁰. К теме организационно-правовой структуры императорской России обратились

⁸ Членов С. Б. *Московская охранка и ее секретные сотрудники*. М., 1919; Щеголев П. Е. *Охранники и авантюристы*. М., 1930; Шуйский П. А. *Департамент полиции. 1880 г. – нач. XX в.* Харьков, 1930; Лившиц С. *Московская охранка в борьбе с революционным движением // Борьба классов*. 1934. № 7–8; и др.

⁹ Ерошкин Н. П. *Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России*. М., 1960; Ерошкин Н. П. *История государственных учреждений дореволюционной России*. М., 1983; Зайончковский П. А. *Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – нач. 90-х гг.)*. М., 1970.

¹⁰ Эренфельд Б. К. *Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью царской тайной полиции // Вопросы истории КПСС*. 1979. № 12; Соловьев М. Е. *Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции II Государственной думы // Вопросы истории*. 1966. № 8; Кознов А. П. *Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки в 1910–1914 гг. // Вопросы истории КПСС*. 1983. № 9; и др.

юристы¹¹ и представители правоохранительных органов СССР, но уже не для практических нужд, как в более раннее время¹².

С конца 1970-х гг. защищен ряд диссертаций о центральных и столичных органах политической полиции (А. Н. Ярмыш, З. И. Перегудова, Л. И. Тютюнник, Ю. Ф. Овченко и др.). Стали изучаться провинциальные подразделения. Например, Н. Н. Анисимов обратился к материалам Урала¹³. Для Сибири значимыми были работы Н. Н. Щербакова, в которых рассмотрен карательный механизм межреволюционного периода, дифференцирован чрезвычайный и судебный порядок преследований. Автор обратился к сибирским особенностям через тему ссылки, отведя жандармам ключевую роль¹⁴. В целом, данный период характеризовался существенными ограничениями для историков: строгий режим доступа, необходимость следования государственной идеологии, четко обозначенные предметные границы исследований. Несмотря на это, были сделаны важные выводы по функционированию государственного аппарата, в научный оборот введены неопубликованные материалы, поставлены новые проблемы.

Третий период знаменуется общественным интересом к теме политической полиции. Был открыт доступ к архивам, публиковались источники. Декларация исторической преемственности дореволюционного и советского периодов привела, с одной стороны, к идеализации императорской России и ее институтов, с другой, – к поиску причин «диктатуры большевиков» в предреволюционном периоде. Перевод работ западных ученых,

¹¹ Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1961; Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974; и др.

¹² Возный А. Ф. К вопросу об ответственности за провокацию преступления // Сб. мат. и ст. адъюнктов и соискателей. М., 1967; Клеандрова В. М., Яковлев Л. М. К истории полиции, политического сыска и контрразведки России XVIII – нач. XX вв. М., 1985; и др.

¹³ Анисимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.). Свердловск, 1989.

¹⁴ Напр.: Щербаков Н. Н. Из истории карательной политики царизма в начале XX столетия // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1979.

придерживавшихся концепции тоталитаризма, актуализировался антисталинскими настроениями, развившимися в период Перестройки¹⁵.

К середине 1990-х гг. возобладал нейтральный подход, поставлены новые проблемы: взаимоотношения ОКЖ с Военным министерством и Министерством юстиции, история полицейского вооружения и снаряжения¹⁶. В частности, З. И. Перегудова изучила структуру и состав ДП МВД, провела дифференциацию сотрудников разных ветвей и уровней ведомства, установила приблизительную численность агентов. Продолжали изучаться проблемы «провокации», нормативно-правового обеспечения полицейской системы, организации наружного наблюдения, секретной агентуры¹⁷. Ю. Ф. Овченко предложил трактовать провокацию не как служебное преступление полицейских (традиционное понимание), а как один из «оперативно-тактических приемов»¹⁸. Развивается биографическое направление: выходят статьи и книги, не лишённые определенной доли субъективизма¹⁹. Исследования подразделений ОКЖ в странах, образовавшихся в результате распада СССР, проводились в Белоруссии и Украине, где не было языковых барьеров и дефицита источников²⁰.

¹⁵ Жухрай В. М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917. СПб., 1992; Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993 и др.

¹⁶ Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993; Везьяминов М. Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1; Гонюхов С. О., Горобцов В. И. Очерки истории организации органов внутренних дел России. Красноярск, 1998 и др.

¹⁷ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000; Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001; Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.). Рязань, 2001.

¹⁸ Овченко Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков: 1880–1904 гг. М., 2010; Его же. Безопасность империи. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917. М., 2012.

¹⁹ Балугев Б. П. Дело А. А. Лопухина // Вопросы истории. 1996. № 1; Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове. Жизненный путь руководителя личной охраны Николая II. М., 2009; Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX в. и В. Ф. Джунковский. Тула, 2012.

²⁰ Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска на Украине в конце XIX – начале XX веков. Киев, 1992; Королев В. И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма. Симферополь, 2007; Бусько С. И. Структура и кадровый состав губернских жандармских

В 1997–2013 гг. возросло число диссертационных исследований, посвященных региональным структурам (М. С. Чудакова, В. М. Горяинов, А. В. Белова, Е. А. Гончарова и др.). Объемы вышедшей литературы оказались достаточны для появления отдельных историографических исследований²¹. Достижением исследователей стало сопоставление результатов изучения центральных и провинциальных учреждений политической полиции. П. П. Литвинов критиковал исследователей, рассматривающих подразделения ОКЖ как автономное и имманентное образование. Он показал окраинную специфику функционирования на материалах Туркестана²². Но, несмотря на всплеск исследовательской активности в новейший период, изучение позднеимперской жандармерии Сибири велось недостаточно активно. Помимо диссертации о Томском жандармском управлении (В. Г. Дорохов), в разное время выходили единичные небольшие статьи по отдельным вопросам²³. Определенный интерес представляет научно-популярное издание, посвященное деятельности карательного аппарата в Забайкалье²⁴.

Тема политической полиции долгое время не привлекала зарубежных исследователей. В Гуверовском институте Стэнфордского университета была сформирована коллекция материалов по социально-политической истории

управлений на территории Беларуси (конец XIX – начало XX в.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ / ред. У. К. Коршук. Мінск, 2010 и др.

²¹ Гомонова С. А. Политическая полиция России конца XIX – нач. XX в. в отечественной историографии // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 11. № 6. 2009. С. 84–89; Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – нач. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 и др.

²² Литвинов П. П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном. Елец, 2007.

²³ Шитова Т. В. Создание в Сибири полицейской стражи // Вопросы теории и истории государства и права. Красноярск, 1999; Шаталов Е. А. Основные черты развития института дознания и розыска в губернских жандармских управлениях Российской империи в нач. XX в. (по материалам Государственного архива Красноярского края) // Актуальные проблемы истории и права на рубеже тысячелетий. Красноярск, 2004; Циндик А. А. Секретная агентура полиции в борьбе с революционным движением в Западной Сибири (1907–1914 гг.) // Омский научный вестник. 2008. № 3; Мошкина З. В. Учреждение жандармского надзора на Нерчинской политической каторге // Сибирская ссылка. Вып. 6. Иркутск, 2011. и др.

²⁴ Баринов А. О. Стража: очерки истории деятельности спецслужб России в Забайкалье в начале XX века (1901–1917). Чита, 2008.

России. В 1967 г. его сотрудниками был издан библиографический справочник о ДП МВД, в предисловии к которому констатировалась слабая изученность темы²⁵. Под влиянием «холодной войны» в исследованиях об императорской России применялась «концепция тоталитаризма». Наиболее авторитетной стала монография Р. Пайпса (США). Сравнивая имперское и советское уголовное законодательство, автор обосновывал преимущество двух политических режимов и считал, что дореволюционная бюрократия заложила предпосылки формирования тоталитаризма²⁶.

Под влиянием социологии с 1970-х гг. внедряется теория модернизации. Для России этот процесс понимался как вестернизация и демократизация. Их специфику объясняли формированием в империи не правового, а бюрократического общества, где принципы делопроизводства подменяли право²⁷. Исследователи стали рассматривать российскую политическую полицию в общеевропейском контексте. Глубоко изучались вопросы, связанные с секретными осведомителями, деятельностью ДП МВД в эмиграции, соперничеством охранных отделений с жандармскими управлениями²⁸. Использование чрезвычайных актов и их роль в политической модели поздней монархии стали предметом обсуждений с конца 1980-х гг.²⁹.

С 1990-х гг. для зарубежных ученых стали доступны российские архивы. Политическая полиция стала изучаться ими на конкретном материале с более

²⁵ The Okhrana: The Russian Department of Police: a Bibliography / ed. E. Smith, R. Lednicky. Stanford University, 1967.

²⁶ Pipes R. Russia under the Old Regime. London, 1974.

²⁷ Rowney D. Organizational change and social adaptation: the pre-revolutionary Ministry of Internal Affairs // Russian officialdom. The bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century. University of Carolina Press, 1980.

²⁸ Schleifman N. Undercover agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party 1902–1914. Hong-Kong, 1988; Zuckerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880–1917. New York, 1996 etc.

²⁹ Lieven D. The Security Police, Civil Rights and the Fate of the Russian Empire 1855–1917 // Civil Rights in Imperial Russia. Oxford, 1989; Zuckerman F. The Political Police, War and Society in Russia, 1914–1917 // Authority, Identity and the Social History of the Great War / ed. by F. Coetzee, M. Shevin-Coetzee. Oxford, 1995; Daly J. On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia // Slavic Rev. 1995. Vol. 54. № 3.

взвешенных позиций. Сравнительные подсчеты бюджета ДП МВД, соотношения полицейских и бюрократов на душу населения, и данные о приблизительном количестве секретных осведомителей опровергли характеристику императорской России как «полицейского государства». Продолжилась дискуссия вокруг квалификации широких чрезвычайных полномочий полиции: признак перехода от абсолютизма к конституционной монархии (Дж. Дейли) или возврат к абсолютизму (И. Лохлан)³⁰. В целом, западная историография постепенно освобождается от идеологических стереотипов, но, вследствие труднодоступности источников, публикации строятся на общем материале, не выделяя региональных аспектов.

Таким образом, степень изученности функционирования политической полиции региона остается слабо исследованной. Выводы, полученные на материалах регионов с иными особенностями исторического развития, механически переносятся на Сибирь. Игнорируются особенности, которые значительно меняли значение подразделений жандармерии: массовая политическая ссылка, низкая демография при обширных административно-территориальных единицах, процесс колонизации.

Объект исследования – система политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Предмет исследования – организационно-правовая основа и процесс функционирования Енисейского губернского жандармского управления (ЕГЖУ) и его структурных элементов как региональной политической полиции.

Хронологические рамки исследования охватывают период времени с 1880 по 1917 гг. Нижняя граница обусловлена передачей ЕГЖУ из ведения III

³⁰ Daly J. *Autocracy under Siege: Security Police and opposition in Russia. 1866–1905.* DeKalb, 1998; *The Watchful State. Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917.* DeKalb, 2004; Lauchlan I. *Russian Hide-and-Seek: The Tsarist Secret Police in St. Petersburg 1906–1914.* Helsinki, 2002; *Security Policing in Late Imperial Russia // Late Imperial Russia: Problems and Prospects* / ed. Thatcher I. Manchester, 2005.

отделения в систему МВД и распространением на Сибирь закона 19 мая 1871 г., согласно которому офицерам ОКЖ присваивалось право участия в юридических репрессиях нелояльных подданных. Верхняя граница определяется решением Временного правительства об упразднении ОКЖ (4 марта 1917 г.). Даты в исследовании для удобства изложения приведены по Юлианскому календарю.

Территориальные рамки исследования охватывают административно-территориальные границы Енисейской губернии в указанный период времени, находившиеся в зоне ответственности ЕГЖУ. За пределами исследования остался Урянхайский край, формально ставший частью региона в 1914 г., но бывший на особом положении (на его территорию деятельность жандармерии, чрезвычайные законы и политическая ссылка не распространялись).

Цель исследования состоит в том, чтобы, изучив структуру, организационно-правовую основу, методы работы ЕГЖУ и его подразделений, выявить общую логику, региональную специфику функционирования политической полиции на завершающем этапе существования монархии в России.

В диссертации были поставлены следующие **задачи**:

- определить место ЕГЖУ в организационно-правовой системе политического сыска Российской империи;
- проанализировать процесс кадрового и материально-технического обеспечения органов политического сыска Енисейской губернии;
- проследить изменения методов и формальных процедур ЕГЖУ в производстве следствия и дознания по «государственным преступлениям»;
- определить масштабы и направления развития оперативных методов политического сыска (наружное наблюдение, агентурная работа и перлюстрация) в России в целом и изучаемом регионе в частности;
- выявить и охарактеризовать комплекс вспомогательных функций Енисейского губернского жандармского управления.

Научная новизна. В диссертации впервые представлены результаты комплексного исследования органов ДП МВД Енисейской губернии. Выявлено, что до 1880 г. у сибирских подразделений ОКЖ не было полномочий уголовно преследовать за политические преступления. В динамике детально проанализирована практика производства дознаний и следствий, оценены масштабы репрессивных действий политической полиции. Впервые были выражены конкретные показатели роли секретного сотрудника в формировании уголовного дела. Сформировано целостное представление о различных аспектах деятельности ЕГЖУ в 1880–1917 гг. Показано участие ОКЖ в правительственном надзоре за частной золотопромышленностью Сибири. В научный оборот введен значительный корпус источников, касающийся не только органов ДП МВД, но и истории современного Красноярского края.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения ее результатов в преподавании учебных курсов в средних (региональный компонент «Краеведение») и высших учебных заведений (дисциплины «История государственных учреждений», «История Сибири», «История Красноярского края»), в процессе теоретической подготовки личного состава органов МВД РФ. Информация, содержащаяся в тексте диссертации, может быть использована при атрибуции текста документов из Архивного Фонда РФ, составлении научно-справочных изданий музеев, архивов и библиотек; региональных энциклопедических изданий и словарей.

Методология и методы исследования. Методологически работа опирается на критический рационализм К. Поппера. Основной теоретической установкой являлось понимание политической сферы позднеимперского периода как отражение общего переходного состояния Российской империи, которая переживала глубокий структурный кризис. Соблюдались базовые *принципы* исторической науки: объективности и историзма. Был применен *междисциплинарный подход* – значительную часть исследования занимает анализ юридического аспекта практики жандармского управления и его

нормативно-правовой базы. При работе со статистическими данными применялись базовые методы социологии.

Задействованы *общенаучные методы* теоретического познания: абстрагирование (для осмысления региональных и общероссийских социально-политических процессов, выделения отдельных признаков предмета исследования), формализация информации, структурно-функциональный метод (для выявления структуры предмета исследования, раскрытия зависимости между отдельными элементами и понимания их взаимного влияния под воздействием внутренних и внешних факторов). Использовались *логические методы*: индукция и дедукция (для построения выводов на материалах общероссийского и регионального уровней), анализ, теоретический синтез (систематизация). В целях актуализации работы использовался метод аналогии.

Вследствие особенностей источниковой базы исследование опиралось на *методы специальных исторических дисциплин* (историоведение и герменевтика): логико-смысловой анализ текста (при выявлении скрытых фактов), контент-анализ (для массовых источников) и выборочный метод (при просмотре делопроизводства). При формализации данных или в процессе работы с историческим текстом использовалась экспликация. Биографические данные в изучении кадрового обеспечения потребовали, помимо математико-статистических операций, применения методов просопографии.

Положения, выносимые на защиту:

– Организационно-правовая структура ЕГЖУ характеризовалась значительными отличиями от аналогов, функционировавших в европейской части России.

– Организация деятельности органов политического сыска Енисейской губернии имела централизованный характер на всем протяжении исследуемого временного интервала.

– Географические и демографические факторы Енисейской губернии, а также наличие районов массовой ссылки качественно влияли на работу органов политического сыска.

– ЕГЖУ и его структурные части в полной мере проводили политику МВД в вопросах политического розыска и юридических репрессий над «государственными преступниками» и нелегальными организациями.

– В региональных органах политического сыска позднее были внедрены розыскные методы работы.

– Вопрос материально-кадрового обеспечения ЕГЖУ не был приоритетным у центральных ведомств.

– Количество секретных сотрудников политической полиции, работавших в Енисейской губернии, не превышало уровня 2% от их общего количества в империи.

Источниковая база исследования. *Нормативно-правовые акты* представлены официальными собраниями («Полное собрание законов Российской империи», «Свод законов Российской империи», «Свод военных постановлений»); журналами Совета министров (1906–1917 гг.) и Временного правительства (1917 г.); специальными собраниями («Судебные уставы» в Сибири; акты, изданные императорским правительством в период Первой русской революции и Первой мировой войны). Они позволили получить общее представление о нормативно-правовой основе деятельности ЕГЖУ по различным аспектам, которое детализировалась *подзаконными актами*. Часть из них содержалась в ведомственных сборниках, наиболее информативными были секретные «Хронологические сборники циркуляров» ДП МВД.

Справочники имели большое значение для изучения биографий офицеров и штатов жандармских управлений: ежегодные «Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов» (1836–1916 гг.), «Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству» и «Список полковникам по старшинству»; периодические «Памятные книжки Енисейской губернии» и

специальный алфавитный список бывших полицейских, изданный в НКВД СССР (1940 г.). Статистику дознаний и их краткое изложение содержат «Обзоры дознаний» (МВД, 1880–1903 гг.). В «Обзорах революционного движения» (прокуратура Иркутской судебной палаты, 1908–1909 гг.) освещены происшествия политического характера в Восточной Сибири. Судебная статистика по империи и регионам, публиковалась в «Ежегодниках России» (МВД, 1905–1918 гг.), но в них отсутствовали данные административного судопроизводства по политическим делам. Отдельной группой являются служебные справочники для унтер-офицеров ОКЖ, где излагались требования к нижним чинам и знания, которыми они должны были владеть.

Опубликованные документальные источники представлены тематическими сборниками, стенографическими отчетами и публикациями. В числе использованных неопубликованных *делопроизводственных* источников задействованы материалы центральных учреждений (отчетно-распорядительная документация и межведомственная переписка). Это фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, ф. 102 – ДП МВД; ф. 110 – штаб Корпуса жандармов); Российского государственного исторического архива (РГИА, ф. 1239 – Особое совещание для пересмотра установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений; ф. 1405 – Министерство юстиции) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, ф. 1468 – штаб Иркутского военного округа; ф. 1478 – военно-окружной суд Иркутского военного округа). Для уточнения биографической информации отдельных офицеров использовались документы герольдии Сената (РГИА, ф. 1343) и собрания послужных списков Военного министерства (РГВИА, ф. 409). Документы региональных органов власти, находящиеся в Государственном архиве Красноярского края, информировали об аспектах регулярной деятельности ЕГЖУ и реализации отдельных законов (ф. 42 – Красноярский окружной суд; ф. 516 – прокурор Красноярского окружного суда; ф. 595 – Енисейское губернское управление; ф. 827 – ЕГЖУ;

ф. 828 – помощник начальника ЕГЖУ по Красноярску, Красноярскому и Канскому уездам; ф. 830 – Енисейский розыскной пункт; ф. 832 – начальник Красноярского отделения Томского жандармского полицейского управления железных дорог; ф. 860 – Канцелярия временного генерал-губернатора Туруханского края).

Картографический материал лег в основу создания карт-схем, обозначивших зону распространения чрезвычайного законодательства.

Использованы *мемуары* как государственных деятелей (С.Ю. Витте, С.П. Белецкого, В.Ф. Джунковского и др.) и полицейских (К.И. Глобачева, А.П. Мартынова, П.П. Заварзина и др.), так и участников общественно-революционного движения. Свидетельства бывших работников правительственных органов дали фактический материал, подтвержденный документальными данными, и подробности, отсутствующие в делопроизводстве: приемы оперативной работы, межличностные отношения. Эти свидетельства почти не касались службы в Енисейской губернии. Так, М. А. Сосионков упоминал только один маловажный случай, П. П. Заварзин – инспекционную поездку в Сибирь в 1916 г. Использование мемуаров участников общественно-революционного движения (А. В. Байкалов, В. С. Войтинский, Е. К. Брешко-Брешковская и др.) потребовало тщательной проверки содержащихся в них фактов.

Материалы периодической печати имели вспомогательный характер. В приложении к «Сенатским ведомостям» («Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате») публиковались принятые законодательные акты, в официальных «Енисейских губернских ведомостях» – подзаконные акты региональных властей. Ведомственные печатные издания представлены «Тюремным вестником» и «Вестником полиции». Использована как столичная, так и сибирская пресса. Почти все *эпистолярные источники* представлены неопубликованными материалами полицейской перлюстрации.

Фотодокументы выявлены в фондах ГАРФ (ф. 1742) и ГАКК (ф. 595, 827), Красноярском краевом краеведческом музее, оцифрованных собраниях Федерального архива Германии и Библиотеки Конгресса США, базе данных частного электронного проекта «Русская армия в Великой войне». Источники данной категории играли в исследовании не только иллюстративную роль, но также отображали особенности работы ЕГЖУ.

Апробация исследования. Результаты исследования были изложены в 10 статьях (5 из них – из перечня ВАК при Минобрнауки РФ), 19 публикациях в материалах конференций, проходивших в Будапеште, Москве, Новосибирске, Красноярске, Томске, Иркутске, Минусинске в 2010–2014 гг.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации построена по проблемно-тематическому принципу. Работа состоит из введения; трех глав; заключения; списка источников и литературы; списка иллюстративного материала, включающего 6 рисунков-диаграмм и 23 таблицы; перечня сокращений и условных обозначений и 16 приложений (таблицы, иллюстрации, карты-схемы, извлечения из документов). Общий объем работы составляет 261 страницу.

Во **введении** обоснована актуальность диссертации, проанализирована степень изученности проблемы, охарактеризована источниковая база и методология, сформулированы цель и задачи, определены предмет и объект, хронологические и территориальные рамки, методы исследования, показана практическая значимость и научная новизна работы.

В **главе 1 «Енисейское губернское жандармское управление в организационно-правовой системе политического сыска России»** показана правовая основа деятельности подразделений ОКЖ в вопросе политического сыска и юридической репрессии по соответствующим делам.

В параграфе **1.1. «Правовые основы функционирования»** раскрыты особенности генезиса системы актов, формировавших базу юрисдикции ЕГЖУ. Выявлено, что жандармские команды появились в Сибири в 1817 г. (в Красноярске – в 1822 г.). После подавления восстания декабристов 1825 г., были сформированы централизованный орган политического сыска, III отделение императорской канцелярии, и его исполнительный орган, Корпус жандармов (с соподчинением Военному министерству) Однако губернские штаб-офицеры и жандармский округ, наделенные полномочиями политической полиции появились в Сибири только в 1833 г.

После покушения на Александра II была реорганизована в 1867 г. провинциальная структура жандармерии: упразднены округа (кроме Польши, Кавказа и Сибири) и созданы губернские жандармские управления (ГЖУ). Им вменялось общее наблюдение за территорией, а по закону от 19 мая 1871 г. – преследование за политические преступления в местностях, где была проведена Судебная реформа 1864 г. Особенностью ЕГЖУ, как и всех сибирских подразделений, стало нераспространение полномочий активного характера.

Успехи политического террора привели к созданию Верховной распорядительной комиссии в 1880 г., которая упразднила III отделение, передала ОКЖ в систему МВД, поддержала проект Министерства юстиции о распространении закона 19 мая 1871 г. на Сибирь, усилила полномочия генерал-губернатора как регионального промежуточного звена карательной политики. Появились чрезвычайные «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. и «Правила местностей, объявленных на военном положении» 1892 г., выделявшие отдельные местности из общего законодательства и усиливавшие полномочия исполнительных органов. Особенностью Енисейской губернии было то, что данные акты применялись только с 1904 г. при сохранении значительной роли иркутского генерал-губернатора как источника локальных подзаконных актов.

В параграфе 1.2. «Организационная структура» рассмотрено место ЕГЖУ в общероссийской ведомственной иерархии. Как и в большинстве губерний, начальники ЕГЖУ вступали в конфликт с губернаторами вследствие фактической автономности первых. В регионе действовало коллегиальное совещание для прекращения дел о «государственных преступлениях», куда входил глава ЕГЖУ (с 1904 г.). Существование жандармского округа в Сибири до 1902 г. и нераспространение прав инспекторов полицейской стражи, в отличие от европейских губерний, являлись региональными особенностями.

Сфера ответственности ЕГЖУ совпадала с административными границами губернии (кроме линий и полос отчуждения ж. д.). Главными факторами размещения структурных подразделений были пути сообщения и крупные города. Структура ЕГЖУ состояла из центральной канцелярии в губернском городе, пунктов с канцелярией помощников начальника и унтер-офицерских пунктов, также как и в других регионах. Численность личного состава зависела не от количества пунктов, а от установленного штатом ОКЖ расписания, которое кардинально не менялось с 1880-х гг.

Выделены модели организации ГЖУ и охранных отделений: централизованная (сплоченность двух институтов под главенством ГЖУ) и децентрализованная (взаимная автономия). В Енисейской губернии сложилась первая модель: автономное Красноярское охранное отделение функционировало недолго (1903–1904 гг.), влияние иркутского районного охранного отделения (РОО, с 1908 г.) было значительным, должности заведующего Красноярским розыскным пунктом (с 1908 г.) и помощника начальника ЕГЖУ были объединены, а глава Енисейского розыскного пункта (с 1912 г.) подчинялся прямым указаниям и финансировался из Красноярска.

В главе 2 «Кадровое и материально-техническое обеспечение органов политического сыска Енисейской губернии» анализируются механизмы

обеспечения ЕГЖУ и его подразделений личным составом, финансированием, оружием, униформой и оборудованием, необходимым для работы.

В параграфе 2.1. «Кадровое обеспечение» охарактеризован процесс комплектования ОКЖ личным составом. Выявлено, что тотальной смены офицеров при реформировании полиции не было: к 1888 г. не служивших в системе III отделения было 25,7% от общего количества. До 1906 гг. средний срок пребывания в должности начальника составлял 5 лет, после – варьировался от 3 мес. до 5 лет при понижении среднего возраста с 50 до 43–44 лет. Подобные наблюдения отмечены относительно помощников начальника. Наиболее трудным было комплектование ЕГЖУ адъютантами, зафиксированы значительные временные интервалы работы с открытой вакансией. До 1906 г. средний стаж назначаемых составлял 1–2 года, после – отсутствовал.

На процесс комплектации унтер-офицерского состава качественно повлияло расширение воинского контингента в Сибири после 1907 г. и, как следствие, появление среди унтер-офицеров значительной части уроженцев европейской части империи и участников военных действий. Зафиксированы факты дисциплинарных взысканий и судов, но они были редкими. Численность канцелярской службы ЕГЖУ, КРП и ЕРП не превышала 2 человек в каждом. При этом бюрократизация данных структур линейно увеличивалась: общий объем документооборота в 1896 г. составлял 3412 входящих и исходящих бумаг, в 1909 г. – 5867 и в 1914 г. – 22989 единиц. Соотношение штатов и динамики бюрократизации косвенно свидетельствует о привлечении других категорий личного состава к данному виду работ.

В параграфе 2.2. «Материально-техническое обеспечение» выявлено, что данный аспект находился в рамках нормативной базы Военного министерства, кроме тех подразделений, которые были открыты по распоряжениям МВД. Принадлежность к армии освобождала ЕГЖУ от налогообложения и мобилизации, давала социальные гарантии сотрудникам и возможность пользоваться повинностями населения по расквартированию.

Заработная плата была основным источником доходов офицера ОКЖ, что подтверждают данные ссудного фонда Корпуса: к 1915 г. из 1006 офицеров 687 обладали обязательствами на сумму 167817,25 р. Жалование зависело от звания, а в Сибири прибавлялись 20–25% от размера базовой части, если достигалась пятилетняя выслуга. До 1906 г. унтер-офицеры имели единый оклад (180 р. в год). Для различия была введена должность вахмистра (240 р. в год). С 1906 г. размер оклада резко повысился у вахмистра до 125% (540 р.), у унтер-офицера до 130% (420 р.). С 1885 г. введены пенсии, с 1905 г. – прочие социальные льготы и пособия.

С 1907 г. МВД обеспечивало ЕГЖУ розыскные расходы. В 1914 г. на наружное наблюдение отпускалось 32% (7,2 тыс. р.) от сметы учреждения по линии МВД. Осведомители оплачивались из особого фонда ДП МВД, в 1914 г. 0,2% от его годового бюджета расходовалось на агентов ЕГЖУ. Наблюдался территориальный дисбаланс: в КРП на постоянного агента отпускалось в среднем 50 р., на временного – 20 р.; в ЕРП – 20 и 10 р. соответственно.

Обмундирование и вооружение ЕГЖУ регулировались армейскими документами, что влекло значительные траты и препятствовало расширению штатов. Учреждение приобрело хозяйственную автономию только после ликвидации жандармского округа в 1902 г. МВД снабжало ЕГЖУ необходимой техникой, но пишущие машинки были только на офицерских пунктах, телефоны (с 1911 г.) – в Красноярске и в Енисейске, собственный фотоаппарат – лишь в ЕРП. Вооружение постоянно модифицировались, но качество его поставок зависело от конкретного военного склада.

В главе 3 «Осуществление Енисейским губернским жандармским управлением своих функций» показан процесс реализации обязанностей, включенных в юрисдикцию исследуемого учреждения.

В параграфе 3.1. «Дознание и следствие о политических преступлениях» ЕГЖУ рассматривается как субъект юридических репрессий

по политическим делам. Показатели по данному аспекту в 1880-е и 1890-е гг. были низкими. Ситуация значительно изменилась после прокладки Транссибирской ж. д., увеличения миграции и развития революционного и стачечного движения в регионе. Количество дознаний выросло с 7 в 1896 г. до 86 в 1904 г. Тюремное заключение применялось редко, чаще вменялся «особый надзор», что при малочисленности органов МВД оставалось формальностью. Распространение на Сибирь Судебной реформы негативно повлияло на ЕГЖУ. До 1900 г. случаи конфликтов с органами юстиции носили эпизодический характер, но в 1904–1905 гг. чиновники окружного суда саботировали ЕГЖУ по личным политическим мотивам.

В период «Красноярского восстания» (конец 1905 – нач. 1906 г.) деятельность ЕГЖУ была парализована. После этого его полномочия усилились посредством чрезвычайных законов. Автором подсчитано, что с января 1907 по февраль 1917 гг. через ЕГЖУ в качестве фигурантов политических дел прошло не менее 1438 человек, из которых 1070 (74,4%) – посредством чрезвычайного законодательства. В регионе применялась тактика двойных расследований (заведение дела в чрезвычайном порядке и его перевод в судебное дознание или наоборот), порядок которых определялся обнаруженными при аресте вещественными доказательствами. Нелояльные к императорской власти региональные чиновники юстиции с 1905 г. устранялись.

Зафиксировано регулярное сотрудничество ЕГЖУ со столичным, Иркутским и Томским ГЖУ. Выполнение действий по заданию других полицейских учреждений проводилось, в основном, посредством исключительных законов. Изучение запросов ЕГЖУ в другие регионы показывает, что решение об их инициировании происходило на основании результатов обыска или перлюстрации. География распределения дознаний соотносится с дислокацией пунктов и секретной агентуры, районами распространения чрезвычайных актов.

Выявлено, что когда инерция Первой русской революции в регионе была исчерпана, ЕГЖУ усилило внимание к политической ссылке северных уездов. Из 106 обвиняемых в 1911 г. не менее 36 были ссыльными, в 1912 г. из 65 – не менее 35. В данный период проявились негативные факторы субъективного характера: деятельность В. Ф. Джунковского (командир ОКЖ) по борьбе с «провокацией» среди офицеров и Л. М. Князева (иркутский генерал-губернатор 1910–1916 гг.). С 1915 г. ЕГЖУ столкнулось с делами, связанными с контрразведкой, доносами о «германофильстве» частных лиц, пособничеством местного населения побегам военнопленных. Подвергались преследованиям сионисты и баптисты. К 1917 г. наметился очередной кризис функционирования ЕГЖУ.

В параграфе 3.2. «**Политический розыск: наружное наблюдение**» исследуется использование ЕГЖУ наружного наблюдения. «Положение о негласном полицейском надзоре» 1882 г. (в Сибири – с 1889 г.), требовавшее собирать любую информацию об объекте слежения, стимулировало развитие оперативного метода силами унтер-офицеров. Сохранившийся дневник наблюдения ЕГЖУ 1889 г. свидетельствует о низком качестве наружного наблюдения, которое улучшилось при помощи иркутского РОО в 1907 г.

Выделены виды наружного наблюдения: предварительная проверка, сопровождение расследования, транзитное наблюдение, профилактическое наблюдение и учебное патрулирование. Концентрация сотрудников наблюдения (филеров) в Красноярске обусловлена немногочисленностью уездных городов уездных городов. В 1908–1912 гг. в ЕГЖУ фиксируется большое количество совмещений унтер-офицерской и филерской должностей, но к 1914 г. удалось перейти на вольнонаемную комплектацию. ЕГЖУ занимало третье место среди аналогичных структур Сибири и Дальнего Востока по численности филеров, где личный состав был на уровне 15,3% от общеимперского значения, а в Енисейской губернии – 1,6%.

Выявлено, что филеры ЕГЖУ происходили из крестьянского сословия регионов Сибири и Поволжья, так как их вербовали преимущественно из демобилизованных унтер-офицеров восточносибирских полков. Подавляющее количество филеров не имело начального образования. Автором выявлено кризисное состояние службы наружного наблюдения ЕГЖУ к 1917 г.: при линейном увеличении числа наблюдаемых лиц, сократились общее количество и доля опытных сотрудников. Показатель работавших в Красноярске от 1 до 5 лет сокращался: с 62% в 1911 г. до 22,2% в 1916 г. Доля филеров со стажем более 5 лет увеличивалась: в 1911 г. таких не было, а в 1916 г. стало 33,3%. Однако ЕГЖУ удалось скрыть сотрудников от мобилизации, в отличие от остальных учреждений Сибири. Вывод регулярных полков на фронт лишил ЕГЖУ основного кадрового источника.

В параграфе **3.3. «Политический розыск: работа с секретными осведомителями и перлюстрация»** исследуется использование ЕГЖУ секретных осведомителей и вскрытия частной корреспонденции. Выявлено, что системная работа с агентами наладилась лишь к 1908 г. при координирующей роли РОО. Осведомители классифицировались по характеру сотрудничества, предмету информирования и степени надежности. Подсчитано, что в 1906–1917 гг. действовало 138 агентов ЕГЖУ, а их количество перед революцией (24 человека) было менее 2% от численности осведомителей ДП МВД. Установлено, что среднестатистический сотрудник представлял собой восточнославянского мужчину (русский, белорус, малоросс) 20–45 лет.

Исследование показало, что значительное количество среди сотрудников занимали ссыльные, железнодорожные рабочие, почтовые служащие. Большое число последних обуславливалось отсутствием легальных перлюстрационных пунктов в Сибири. К 1917 г. ЕГЖУ контролировало 5 контор и 2 почтовых отделения. В уездах просматривалось от нескольких десятков до нескольких сотен писем в месяц, в Красноярске – более сотни в день. Они служили уликой при использовании чрезвычайных актов, но в гражданский суд не подавались.

Запрет внедрения агентов в войска (1913 г.) ЕГЖУ обходило вербовкой лиц, контактирующих с солдатами (торговцы, агитаторы). Сотрудники, полезные в разведке и контрразведке, передавались военным спецслужбам. Осведомление по уголовным преступлениям давало значительный результат в борьбе с дезертирами и беглыми ссыльными: с июня 1915 г. по июнь 1916 г. было задержано жандармами Красноярска 172, а Канска – 213 человек. Использовались осведомители железнодорожной жандармерии, которые с 1908 г. имелись лишь в Красноярске (от 1 до 6 сотрудников в год).

Без учета перлюстрации, за 1911–1916 гг. агентура донесла о 720 лицах, но к юридической репрессии привлечено 85 человек (11,8%). В среднем, из числа обвиняемых только около 20% были под наблюдением. Использование агентурной информации чаще производилось при дознаниях на основании чрезвычайных актов. Офицеры ОКЖ в использовании данного метода нарушали закон: создавали фиктивные организации, провоцировали преступление, делали подлог документов, скрывали агентов от суда.

В параграфе **3.4. «Вспомогательные функции»** исследован процесс реализации неприоритетного комплекса функций ЕГЖУ. Формально их было не менее одиннадцати, но реализация ЕГЖУ многих из них не зафиксировано. Регулярной была выдача справок о «политической благонадежности» по запросам физических лиц или ведомств. Конвоирование осужденных по политическим преступлениям осуществлялось в особых случаях с опорой на инфраструктуру конвойных команд (тракты и этапы). Содействие полиции в борьбе с преступлениями прослеживалось на протяжении всего периода, но было эпизодичным. Организационно это выразилось в оперативных межведомственных губернских и уездных совещаниях. Выявлено, что ЕГЖУ с 1841 г. был вменен общий надзор за частной золотопромышленностью. Конфликты с предпринимателями, подозрения в коррупции и формализм привели к изъятию данной функции после 1893 г.

В **заключении** приводятся результаты исследования:

– В Енисейской губернии, как и в остальной Сибири, введение нормативно-правовых актов политической полиции происходило позже, чем в иных местностях империи. Это означало, что в регион переносилась уже отработанная практика. На протяжении рассматриваемого периода имел место централизованный характер организации ЕГЖУ, что выражалось в структуре управления территориальными подразделениями и розыскными пунктами, не обладавшими автономией, как в других регионах. Формирование территориальной сети подразделений ЕГЖУ происходило под влиянием политического, инфраструктурного и демографического факторов. Между центральным ведомством и ЕГЖУ почти всегда имелся межрегиональный координационный орган (жандармский округ или РОО). Институт генерал-губернатора был промежуточной инстанцией в вопросах административной и военно-судебной репрессии. Эти свойства отличали организационно-правовую основу функционирования ЕГЖУ от аналогов в европейской части империи.

– Материально-техническое обеспечение ЕГЖУ и его структурных подразделений было удовлетворительным, но не являлось приоритетным в управляющих ведомствах. ЕГЖУ находилось в системе Военного ведомства, опираясь на соответствующее законодательство и региональную инфраструктуру. Функции политического розыска, усиленные после 1907 г., дополнительно оплачивались МВД, но этого было недостаточно, чтобы удовлетворить имеющиеся служебные потребности.

– Особенности в производстве следствия и дознания происходили от нормативно-правовой специфики и наличия массовой политической ссылки в регионе. Когда весь комплекс законодательства, касавшегося политических репрессий, распространился на губернию, процесс производства дел ЕГЖУ стал аналогичным учреждениям других территорий, но с сохранением значительной доли ссыльных среди обвиняемых.

– Активное развитие методов политического розыска в ЕГЖУ, как и в большинстве регионов, произошло после 1907г., но на несколько десятилетий отставало от практики органов столицы и крупных городов. Перенимался опыт более развитых подразделений без введения новшеств в практику. Значительное влияние на ЕГЖУ оказывало РОО в Иркутске. Политический розыск был сосредоточен, главным образом, на леворадикальных организациях. Служба наружного наблюдения имела лишь в Красноярске, доля гражданских лиц в ней была низкой из-за способа вербовки.

Регулярная и системная агентурная работа ЕГЖУ началась после организации КРП. Наличие политической ссылка влияла на долю поднадзорных среди секретных сотрудников. Расширение и совершенствование практики перлюстрации привело к массовой вербовке почтовых служащих. Агенты железнодорожной жандармерии Красноярска находились под фактическим контролем ЕГЖУ. Численность осведомителей ЕГЖУ не превышала 2% от общеимперского количества агентов. Их роль в юридическом преследовании была значительной, но не основополагающей. Практиковалось осведомление для пресечения уголовных преступлений, нарушения паспортного контроля, побегов из мест воинской службы и отбытия наказания. Со стороны агентов могли проявляться шантаж и провокация, но данное явление было редким. ЕГЖУ нарушало законодательство в оперативных целях.

– Выполнение неосновных функций ЕГЖУ было иррегулярно, и не весь перечень вмененных обязанностей выполнялся. Формальной была практика выдачи справок о «политической благонадежности». Содействие полиции и конвоирование заключенных производились только в особых случаях. К 1890-м гг. исчезла специфичная для сибирской жандармерии функция – надзор за золотодобывающими приисками.

Можно заключить, что деятельность ЕГЖУ и его подразделений носила периферийный характер. Как следствие, имевшиеся ресурсы концентрировались в региональном центре. Данная ситуация, в свою очередь,

определяла степень централизации ЕГЖУ как в общей структуре политической полиции Восточной Сибири, так и во внутренних вопросах структурной организации и регулярного функционирования.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертации изложены в 29 публикациях общим объемом 9,7 п. л. (в том числе автора – 9,1 п. л.).

Публикации в периодических изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

1. Бакшт, Д. А. Секретный сотрудник между двумя революциями (на материалах Енисейской губернии, 1907–1917) [Текст] / Д. А. Бакшт // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2014. – № 1. – С. 213–217. (0,5 п. л.)

2. Бакшт, Д. А. Этапы развития наружного наблюдения политической полиции на территории Енисейской губернии [Текст] / Д. А. Бакшт // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2014. – № 3. – С. 187–191. (0,5 п. л.)

3. Карпухин, К. В. «Жандармская шпага»: выявленное оружие Гражданской войны в фондах музея истории Красноярской железной дороги [Текст] / К. В. Карпухин, Д. А. Бакшт // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2014. – № 4. – С. 163–165. (0,25 п. л., из них автора – 0,15 п. л.)

4. Бакшт, Д. А. Потенциал полицейской фотографии как исторического источника и музейного экспоната (на примере выявленного комплекса досье политических ссыльных Туруханского края) [Текст] / Д. А. Бакшт, Е. П. Валюх // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им.

В. П. Астафьева. – 2014. – № 4. – С. 147–150. (0,5 п. л., из них автора – 0,25 п. л.)

5. Бакшт, Д. А. Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881–1917) [Текст] / Д. А. Бакшт // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Вып. 1 (61). – Т. 1. – С. 49–54. (0,75 п. л.)

Статьи, опубликованные в научных изданиях и материалах конференций

6. Бакшт, Д. А. Постановка системы охранных управлений в Енисейской губернии [Текст] / Д. А. Бакшт // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. – Вып. 1. / отв. ред. М. К. Чуркин. – Омск, 2010. – С. 33–38. (0,25 п. л.)

7. Бакшт, Д. А. К истории жандармского пункта в городе Минусинске, XIX–XX вв. [Текст] / Д. А. Бакшт // Мартъяновские краеведческие чтения. – Вып. VI. – Минусинск, 2010. – С. 260–261. (0,13 п. л.)

8. Бакшт, Д. А. Полицейская реформа в конце XIX века (на примере Енисейского губернского жандармского управления, 1880–1898) [Текст] / Д. А. Бакшт // Материалы XLVIII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск, 2010. С. 150–151. (0,13 п. л.)

9. Бакшт, Д. А. Дислокация чинов Отдельного корпуса жандармов в Енисейской губернии (к. XIX – нач. XX в.) [Текст] / Д. А. Бакшт // Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь и наука». – Т. 2. – Красноярск, 2010. – С. 145–148. (0,25 п. л.)

10. Бакшт, Д. А. Взаимоотношения чинов Корпуса Жандармов и общей полиции Енисейской губернии (1881–1893) [Текст] / Д. А. Бакшт // Вестник Иркутского государственного университета. Иркутск, 2010. – С. 511–517. (0,25 п. л.)

11. Бакшт, Д. А. Кадровый вопрос офицерского состава Отдельного корпуса жандармов (конец XIX в.) [Текст] / Д. А. Бакшт // III Исторические

чтения Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2011. – С. 243–246. (0,25 п. л.)

12. Бакшт, Д. А. Подавление «Туруханского бунта»: карательный аппарат царской России за полярным кругом [Текст] / Д. А. Бакшт // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. – Вып. 6 / отв. ред. А. А. Иванов. – Иркутск, 2011. – С. 137–144. (0,63 п. л.)

13. Бакшт, Д. А. Организация розыскных (охранных) структур в Енисейской губернии (1903–1917) [Текст] / Д. А. Бакшт // Материалы XLIX международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск, 2011. – С. 157–158. (0,13 п. л.)

14. Бакшт, Д. А. Сибирский жандармский округ как часть имперского аппарата (1842–1902) [Текст] / Д. А. Бакшт // Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь и наука». – Т. 2. – Красноярск, 2011. – С. 8–11. (0,25 п. л.)

15. Бакшт, Д. А. Жандармские офицеры в общественном сознании в Сибири (на материалах Енисейской губернии) [Электронный ресурс] / Бакшт Д. А. // Сибирь капиталистическая / Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/baksht-da.htm>. (0,13 п. л.)

16. Бакшт, Д. А. Деятельность М. С. Комиссарова в Сибири (1909–1910) [Текст] / Д. А. Бакшт // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. мат. первой Всероссийской молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2011. – С. 161–166. (0,25 п. л.)

17. Бакшт, Д. А. Использование чрезвычайного законодательства в межреволюционный период (1907–1917) [Текст] / Д. А. Бакшт // Известия Иркутского государственного университета. – Сер.: История. – 2012. – № 2–1. – С. 158–164 (0,68 п. л.)

18. Бакшт, Д. А. «Политические обзоры» жандармов как источник по истории Енисейской губернии [Текст] / Д. А. Бакшт // Ars Historica: Сб. науч. ст. – Вып. 3–4. – Архангельск, 2012. – С. 6–8. (0,13 п. л.)

19. Бакшт, Д. А. Участие карательного аппарата Енисейской губернии в подавлении «Туруханского бунта» (1908–1909) [Текст] / Д. А. Бакшт // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов II Всероссийской молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2012. – С. 162–168. (0,25 п. л.)

20. Бакшт, Д. А. Действия военно-полицейского аппарата в ходе событий 7 мая 1916 г. в Красноярске [Текст] / Д. А. Бакшт // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет: VII краеведческие чтения. – Красноярск, 2012. – С. 67–70. (0,68 п. л.)

21. Бакшт, Д. А. Правовые инструменты преследования оппозиции в 1905–1917 гг. [Текст] / Д. А. Бакшт // Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь и наука». – Т. 1. – Красноярск, 2013. – С. 71–75. (0,25 п. л.)

22. Бакшт, Д. А. Репрессивная практика политической полиции Енисейской губернии (1907–1917) [Текст] / Д. А. Бакшт // Материалы 51 международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск, 2013. – С. 129–130. (0,13 п. л.)

23. Бакшт, Д. А. Концепт «внутреннего врага»: население империи в прочтении одного жандармского учебника [Текст] / Д. А. Бакшт // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. – Вып. 9 / науч. ред. П. П. Румянцев. – Томск, 2013. – С. 14–18. (0,25 п. л.)

24. Бакшт, Д. А. Секретные сотрудники органов жандармерии Енисейской губернии (1914–1917) [Текст] / Д. А. Бакшт // «Сибирь в войнах нач. XX века»: Сб. тез. Сибирского исторического форума. – Красноярск, 2013. – С. 59–61. (0,13 п. л.)

25. Бакшт, Д. А. Материально-техническое обеспечение жандармской службы: на материалах Енисейской губернии 1907–1917 гг. [Текст] / Д. А. Бакшт // Вопросы истории, международ. отношений и документоведения. – Вып. 10 / науч. ред. П. П. Румянцев. – Т. 1. – Томск, 2014. – С. 14–19. (0,25 п. л.)

26. Бакшт, Д. А. Этнические и конфессиональные сюжеты полицейских репрессий в восточносибирском тылу (1914–1917) [Текст] / Д. А. Бакшт // Сибирь и войны XIX–XX вв.: тез. Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2014. – С. 117–120. (0,13 п. л.)

27. Бакшт, Д. А. Этнические и конфессиональные сюжеты полицейских репрессий в восточносибирском тылу (1914–1917) [Текст] / Д. А. Бакшт // Сибирь и войны: Сб. мат. всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2014. – С. 43–49 (0,5 п. л.)

28. Бибииков Г. Н. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. [Электронный ресурс] / Г. Н. Бибииков, **Д. А. Бакшт** // Школа-конференция молодых ученых Института российской истории РАН / Режим доступа: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=211>. (0,5 п. л., из них автора – 0,25 п. л.)

29. Baksht D. The Imperial Gendarmerie in the Home Front: The Eastern Siberia Experience (1914–1917) [Текст] / D. A. Baksht // Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России: сб. межд. конф. / ред. Д. Свак. – Будапешт: Russica Pannonicana, 2015. – С. 274–283. (0,5 п. л.)